

Agnieszka Potyrańska

«Качает черт качели» – опыт интерпретации стихотворения Фёдора Сологуба *Чертовы качели* (1907)

Умами большинства представителей культуры России рубежа XIX–XX вв. овладела Мировая скорбь. Поэзия и проза этих годов пропитана образами «ужасного мира», господствуют убеждение в безнадежности всяких деяний и пророчества окончательной гибели проникнутой злом цивилизации¹. Серебряный век – это время поисков, скитаний и сильного увлечения мистикой и оккультизмом². Многие писатели того времени участвовали в спиритических сеансах³. Несомненно, писателем, который точно передавал волнения своих современников, является Федор Сологуб. Георгий Адамович сказал:

О Сологубе очень трудно писать, труднее, чем о каком бы то ни было из русских поэтов. О Сологубе почти нечего сказать, и тем, кому это утверждение покажется странным или обидным для памяти поэта, можно посоветовать только одно: перечесть его стихи. Удивительные стихи, несравненно легкие, несравненно острые, но без движения, без развития и как будто не человеком написанные, а каким-то случайно к нам залетевшим существом⁴.

На страницах его произведений находим разочарование в жизни и ее отрицание, обращение к магии и темным силам, поклонение Дьяволу. Поэт был убежден, что человеком управляет демоническая сила, которая смеется над его бессилием и играет его судьбой. Человек не в состоянии побороть ее, а единственным выходом из того заточений является смерть. Все это

¹ J. Kapuściak, *Motywy apokaliptyczne w rosyjskim odrodzeniu religijnym początku XX wieku. Wprowadzenie do dyskusji*, [w:] *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku*, red. I. Fijałkowska-Janiak, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 1998, s. 8.

² J. Czyż, *Bierdiajew o twórcach „srebrnego wieku” (na materiale „Samopoznania”)*, [w:] *Idee i poetyki: ze studiów nad literaturą rosyjską*, red. B. Stemczyńska, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2002, s. 87.

³ Подробно об этом пишет Тадэуш Климович. См. T. Klimowicz, *Poszukujący, nawiedzeni, opętani*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 1992.

⁴ Г. Адамович, *Материалы к биографии Ф. Сологуба*, [в:] Ф. Сологуб, *Мелкий бес. Стихотворения. Рассказы. Сказочки*, состав, предисловие, комментарии, справочные и методические материалы Е.В. Перемышлева, АСТ, Олимп, Москва 1999, с. 415.

сложные чувства и переживания Сологуб описывает языком символов. Дмитрий Мережковский сказал:

В поэзии то, что насажено и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце чем то, что выражено словами. Символизм делает самый стиль, самое художественное вещество поэзии одухотворенным, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя⁵.

В настоящем исследовании постараемся доказать, что благодаря многочисленным символам Сологуб передает читателю важный жизненный урок. Кроме того, мы постараемся раскрыть их значение и роль в определении мировоззрения автора *Мелкого беса*.

Особенно яркий пример того, что, по Сологубу, человеком управляет демоническая сила, содержится в стихотворении *Чертовы качели* (1907). Имея в виду важность этого произведения и его значимость для настоящих исследований, считаем необходимым привести его полный текст:

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатую рукой.

Качает и смеется,
Вперед, назад,
Вперед, назад.
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
Вперед, назад,
Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
– Попался на качели,
Качайся, черт с тобой.–

⁵ Д. Мережковский, *О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы*, [в:] *Поэзия Серебряного века в 2 томах*, т. 1, вступительная статья и комментарии Л.Г. Кихней, А.В. Леденева, Просвещение, Дрофа, Москва 2003, с. 25.

В тени косматой ели
 Визжат, кружась гурьбой:
 – Попался на качели,
 Качайся, черт с тобой.–

Я знаю, черт не бросит
 Стремительной доски,
 Пока меня не скосит
 Грозящий взмах руки,

Пока не перетрется,
 Крутяся, конопля,
 Пока не подвернется
 Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
 И лбом о землю трах.
 Качай же, черт, качели,
 Все выше, выше... ах!⁶

Наши рассуждения начнем с заглавия, которое имеет двойной смысл. Прямое значение связано с мифологическим существом: чертом, как одним из представителей низшей демонологии, нечистой силы, всегда воплощающим злое начало, и оно

дает установку на условность, ирреальность и является сигналом к восприятию символического смысла стихотворения. В результате в значении слова «качели» также обнаруживается переход от реалии к тропу, когда за конкретным обнаруживается отвлеченное и общее, универсальное⁷.

Два значения заложены в заглавии посредством употребления прилагательного «чертовы»: прямое значение («чертовы» как притяжательное прилагательное), т.е. принадлежащий черту, и переносное (качественное прилагательное «чертовы»), употребляемое для выражения крайне отрицательной оценки кого-либо или чело-либо (ср. бранно-оценочное выражение *чертова жизнь*). Можно сказать, что в названии заложены два эмоциональных ключа: серьезно-пессимистический и иронический (трагико-иронический).

Стихотворение *Чертовы качели* является лучшим примером того, что, по Сологубу, над человеком власть имеют мистические силы, перед которыми он бессилён. Жизнь лирического героя данного стихотворения, сравниваемой с качелями, управляет черт. В литературе Серебряного века данный мотив является довольно часто, многие исследователи подчеркивают, что человек

⁶ Ф. Сологуб, *Собрание сочинений*, т. 9: *Стихотворения*, Шиповник, Санкт-Петербург 1911, с. 17. В дальнейшей части настоящей статьи все цитаты из произведений Сологуба даются в тексте в скобках с указанием тома и страницы. Ф. Сологуб, *Собрание сочинений*, т. 1: *Стихотворения*, Шиповник, Санкт-Петербург 1909; Ф. Сологуб, *Собрание сочинений*, т. 5: *Стихотворения*, Шиповник, Санкт-Петербург 1910.

⁷ Е.А. Панова, *Интимное стало всемирным (Ф. Сологуб «Чертовы качели»)*, «Русский язык в школе» 2207, № 8, с. 36.

является всего лишь игрушкой в руках демонических сил⁸. Анализируемое стихотворение написано примерно в то время, когда после долгой болезни умерла сестра Сологуба, единственный близкий ему человек:

Мелкий бес стережет черные дни и приходит пакостить. Как раз в те дни, когда сестра уже перестала вставать с постели, за 2 недели до смерти, меня внезапно уведомили, что на службе меня не оставят. Как раз в день ее похорон мой преемник потребовал, чтобы я сдавал ему поскорее училище. Теперь требует, чтобы я поскорее очищал ему квартиру⁹.

Сологуб признавал и осознавал, что человек не в состоянии полностью управлять своей жизнью, утверждал, что он подвластен темным силам. Такое мировоззрение он пытался отразить в своих произведениях. Одним из них, несомненно, является стихотворение *Чертовы качели*. В настоящем исследовании постараемся это доказать.

В стихотворении представлена страшна обстановка (неприятные звуки: скрип, визг, темная ночь, лес), а кондиция человека в мире даже ужасна: черт играющий человеком и тот человек, вся жизнь которого зависит от нечистой силы. Уже первая строка вызывает ассоциации с пространством темных сил, враждебных человеку: «В тени *косматой* ели» [здесь и далее курсив наш – А.П.]. Хотя ель имеет позитивную окраску, так как символизирует вечную жизнь, дерево жизни¹⁰ и надежду в тяжелое время, верность и сострадание¹¹, здесь она вызывает совсем другие коннотации, определяемые предшествующим прилагательным¹². Атрибут черта переходит на окружающие его предметы. Эпитет «косматый» имеет следующие значения: «1) имеющий длинную, густую шерсть, лохматый; 2) имеющий длинные и густые всколоченные волосы; 3) растрепанный, всклокоченный»¹³. В народных поверьях и в литературе черт описывается как длинношерстное существо, которое унаследовало косматую шкуру от фавнов и сатиров¹⁴.

⁸ *Historia literatury rosyjskiej*, t. 2, red. M. Jakóbiec, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa 1976, s. 563.

⁹ Г. Чулков, *Дымный ладан*, [в:] *О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки*, ред. А. Чеботаревская, Навьи Чары, Санкт-Петербург 2002, с. 49.

¹⁰ Е.Я. Шейнина, *Энциклопедия символов*, АСТ, Торсинг, Москва 2001, с. 144.

¹¹ Z. Kopalinski, *Słownik symboli*, Wiedza Powszechna, Warszawa 1991, s. 132.

¹² Мотив ели встречается в другом стихотворении:

*Я лесом шел. Дремали ели
Был тощ и бледен редкий мох* [1, 122].

¹³ *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Норинт, Санкт-Петербург 2003, с. 461.

¹⁴ M. Rudwin, *Diabeł w legendzie i literaturze*, przeł. J. Illg, Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, Kraków 1999, s. 58. О дьяволе покрытым волосами пишет Alfonso M. di Nola в книге *Diabeł. O formach, historii i kolejach losu Szatana, a także o jego złowrogiej obecności wśród wszystkich ludów, od czasów starożytnych aż po teraźniejszość*, przeł. A. Kania, Universitas, Kraków 2001, s. 318.

Очень существенным является факт, что события происходят «в тени»¹⁵. Как замечает Ханзен-Леве в книге *Русский символизм*:

Мир теней – это та сублунная промежуточная сфера, в которой созданный человеком мир предметов «распредмечивается», превращаясь вновь в природно-космический мир вещей, тогда как в то же самое время *вещи* на своем пути сквозь категориальное мышление и воображение предстают как моментальный снимок метаморфозы. Платоновская концепция феноменального мира как «игры теней» ноуменального и идеального бытия – дополнительного усиления (перенятой у Шопенгауэра и сильно упрощенной) идеалистической теорией познания (мир как проективная видимость) – стала основополагающей для диаволической концепции мнимого мира: человеческое познание и коммуникация блуждают в «неистинном», в сфере *теней* (или следов) и *отблеска, отзвука*¹⁶.

Можно заключить, что тень, как характерный признак области, в которой власть держат силы зла, является одновременно пространством жизни человека, а значит – он в заключении, подвержен большой опасности.

Особую важность в данном стихотворении (и в других произведениях Сологуба) приобретает мотив реки:

В тени косматой ели,
Над шумною рекой [9, 17]

Следует обратить внимание на новую трактовку данного мотива, так как в творчестве Сологуба река чаще всего выступает как атрибут рая (фрагменты стихотворения *Я был один в моем раю...* (1905) и *На Ойле далекой и прекрасной* (1898):

У ног моих журчал ручей,
Спеша лобзать стопы нагие [5, 23]

Тихий берег синего Лигоя –
Весь в цветах нездешней красоты.
Тихий берег синего Лигоя –
Вечный мир блаженства и покоя [1, 177]

Похоже в стихотворении *По жестоким путям бытия* (1890):

Как невольник, целует ручей
Запыленные ноги мои. [5, 204]

В вымышленном, идеальном мире поэта обязательно присутствует река. Она то ли подчеркивает связь человека с природой (*Я был один в моем раю...*),

¹⁵ О мотиве тени в трагедии *Дар мудрых пчел* (1907) писал Т. Венцлова. См. Т. Венцлова, *Тень и статуя. К сопоставительному анализу творчества Федора Сологуба и Иннокентия Анненского*, [в:] *Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе*, Valtos Lankos 1997.

¹⁶ А. Ханзен-Леве, *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм*, «Академический проект», Санкт-Петербург 1999, с. 225–226.

то ли является она источником покоя и утешения (*На Ойле далекой и прекрасной...*). Но всегда это спокойная, тихая вода. В Священном Писании говорится:

Из Эдема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Гихон [Геон]: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель [Тигр]: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат¹⁷.

В рассматриваемом стихотворении Федора Сологуба события происходят «На шумною рекою». Шум ассоциируется отрицательно, как неприятный звук. Шумящая река вызывает страх. Река является очень существенным символом в мировой культуре

Река – дорога в страну мертвых. Река – символ преграды, разделяющей два мира. Символ постоянной изменчивости: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку» [...] [...] Река – стена, преграда, которую преодолевают либо с помощью посредника, либо волшебным образом: река Стикс и т.п.¹⁸.

Как видим, реку можно было переступить с помощью посредника, которым в анализируемом стихотворении может быть именно черт. Находящийся в реальном мире человек управляет фантастическим существом – чертом. Данная концептуализация мира свойственна Сологубу: злему настоящему миру писатель противопоставлял мир мечты, фантазий, иллюзий. Под влиянием манихейской философии, декаденты, в том числе и Сологуб, верили, что миром управляет Сатана. От его власти и влияния спасти может только любовь и мечта¹⁹. Именно поэтому, как утверждают исследователи, фантастическое и реальное всегда взаимосвязаны в творчестве и жизни Сологуба: «Ведь и в романах у него, и в рассказах, и в стихах – одна черта отличающая: тесное сплетение реального, обыденного с волшебным. Сказка ходит в жизни, сказка обедает с нами за столом – и не перестает быть сказкой»²⁰. Именно благодаря такому приему, поэт пытается донести до читателя свое мировоззрение.

Вероятно, в стихотворении *Чертовы качели* представитель сил тьмы хочет перекинуть человека на «свою» сторону, т. е. в царство теней, в ад.

¹⁷ Библия, синодальный перевод, Быт. 2:10–14, <http://days.pravoslavie.ru/Bible/Index.htm#V> [дата обращения: 10.12.2022].

¹⁸ Е.Я. Шейнина, *Энциклопедия...*, с. 57.

¹⁹ В. Mucha, *Historia literatury rosyjskiej. Zarys*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 1989, s. 439.

²⁰ З. Гиппиус, *Отрывочное. О Федоре Сологубе*, [в:] *Воспоминания о Серебряном веке*, сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд, Издательство «Республика», Москва 1993, с. 95. С этими словами Гиппиус перекликаются слова стихотворения Сологуба *Наивно верю временам* (1904):

Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предел, –
Противоречий я хотел,
Мечта владычицею стала.

Ф. Сологуб, *Полное собрание стихотворений*, Наука, Санкт-Петербург 2002, с. 190.

Качает черт качели
 Мохнатою рукой.
 Качает и смеется,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад. [9, 17]

Черт предстает перед нами как действующее лицо, которое радуется тому, что оно делает. Повтор слов «Вперед, назад» подчеркивает монотонность и однообразность действий и ситуации, в какой находится человек (о чем скажем далее). Качели, как элемент мира, часто присутствуют в стихах Сологуба:

Снова покачнулись томные качели
 [...]
 Раскачайтесь выше, зыбкие качели!
 Рейте, вейте мимо, радость и печаль!²¹

В другом стихотворении читаем:

То в тень, то в свет переносились
 Со скрипом зыбкие качели.

Печали ветхой злою тенью
 Моя душа полуодета,
 И то стремится жадно к тлению,
 То ищет радостей и света. [Псс, 39]

Мотив качелей вызывает ассоциации с мотивом маятника у Шопенгауэра, представленном в его книге *Мир как воля и представление* (1844). Земное скитание, по Шопенгауэру, подобно маятнику, который раскачивается между страданием и праздностью. Шесть дней недели из семи мы страдаем, а на седьмой ужасно скучаем. Философ приходит к выводу, что история – это повторение одного и того же, только в разных формах²². Все повторяется, колеблется от одного к другому, а человек мучится, как герой сологубовского стихотворения. Возможно, все повторяется и маятник маячит, потому что именно такова воля Дьявола?

Какая смена настроений!
 Какая дьявольская смесь!
 Пылаю там, и стыну здесь.
 Какая смена настроений,
 Успокоений и волнений!
 Весь кубок пестрой жизни, весь!
 Какая смена настроений!
 Какая дьявольская смесь! [Псс, 546]

²¹ Ф. Сологуб, *Полное собрание стихотворений...*, с. 465. В дальнейшем все цитаты из этого издания даются в тексте в скобках с сокращением «Псс» и указанием страницы.

²² А. Шопенгауэр, *Собрание сочинений в пяти томах*, т. I, перевод Ю.И. Айхенвальда, «Московский Клуб», Москва 1992, <http://psylib.org.ua/books/shope01/index.htm> [дата обращения: 22.04.2023].

Мотив качелей/маятника встречаем у Сологуба и в других произведениях, например, в стихотворении с инципитом *Порой повеет запах странный...* (1898), где «певец кладбищенской философии» пишет:

И видишь тесные покои,
Где половицы чуть скрипят,
Где отсырелые обои
В углах тихонько шелестят,

Где скучный маятник маячит,
Внимая скучным, злым речам [1, 60]

В этом стихотворении маятник вписывается в пространство страха, психического и физического заключения, скуки и зла. Он появляется также в стихотворении *Ночь настанет и опять...* (1898). Правда: он не называется прямо, но через семантику слов мы узнаем присутствие данного мотива:

И опять я буду знать,
Что со мной ты, потому,
Что ты станешь **колыхать**
Предо мною **свет и тьму**.

Буду **спать или не спать**,
Буду **помнить или нет** [1, 143]

Благодаря определенному строю предложения подчеркивается изменчивость, непредсказуемость судьбы.

Вечная качается качель,
То светло мне, то опять темно [9, 23].

Следующий пример четко указывает повторяемость событий. «Стук часов, качание маятника служит в СИ [«диаволическом» символизме – А.П.] как бы аллегорией всеобщей двойственности. [...] Патологическая навязчивость повтора [...] нередко ассоциируется с раздражающим «тиканием» часов»²³ – пишет Ханзен-Леве. Именно такая двойственность присуща в лирическом мире Сологуба.

Возвращаясь к стихотворению Сологуба *Чертовы качели* следует подчеркнуть, что здесь качели обозначают жизнь человека. Как качели ограничены длиной веревки, так и жизнь человека ограничена чертом. Это он решает, что и когда может делать человек, как он может поступить.

Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска [9, 17]

²³ А. Ханзен-Леве *Русский символизм...*, с. 85, 353.

Кажется, что жизнь человека в опасности, доска больше не выдержит. А как в этой ужасной ситуации ведет себя черт? Он просто хохочет:

И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока. [9, 17]

Атмосферу ужаса автор умело передал посредством нагромождения согласной *х* в данном двустыши. Согласно Ханзену-Леве, звук «х» и «у» «вырываются как архаические жесты, наполненные смыслом, подобные телам танцующих сектантов». Кроме того, «х» изображает «всю беспредметную сторону звучания» и «творчески-одухотворенный танец языка»²⁴.

Весьма существенный здесь глагол «хохотать», который обозначает не просто смех, а скорее смех черта, Дьявола²⁵. В стихотворении *Лукавый хохот гнусных баб...* этот смех напоминает о тяжелой ситуации лирического героя:

Лукавый хохот гнусных баб
Меня зарею ранней встретил.
Смеются: – Что же ты не светел? –
Лукавый хохот гнусных баб
Напомнил мне, что, снова раб [Псс, 547]

В творчестве Сологуба это очень знаменательно, особенно в романе *Мелкий бес*. Поскольку целью настоящей работы является исследование поэзии, приведем только некоторые цитаты из прозы Федора Сологуба:

Передонов внезапно захохотал, отрывисто и громко. [...] Володин, прыгая и хохоча, побежал в залу и принялся шаркать подошвами по обоям. [...] Сашин звонкий хохот смешался с ее хохотом. Хохот заставил ее выпустить Сашу. Она хохоча упала на пол²⁶.

Лирический герой стихотворения *Чертovy качели* впервые появляется в четвертой строфе и сразу подчеркивает ужас жизни, безнадежность и бесполезность всяких действий:

Держусь, томлюсь, качаюсь²⁷.

²⁴ А.А. Ханзен-Леве, *Русское сектантство и его отражение в литературе русского модернизма*, [в:] *Русская литература и религия*, ред. Р. Грюбель, В. Одинокое, Новосибирский государственный университет, Новосибирск 1997, с. 182.

²⁵ «[...] по народным христианским представлениям смеется бес (ангелы же не смеются)» (С. Ильев, *Иронический мир передоновины («Мелкий бес» Федора Сологуба)*, „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia rosyjska” 1978, z. 7, s. 49). Хохочут дьяволы Брюсовского стихотворения *В ресторане (Горите белыми огнями...)*.

²⁶ Ф. Сологуб, *Мелкий бес*, Эксмо, Москва 2007, с. 11, 33, 163.

²⁷ Похоже звучат строки другого стихотворения Сологуба *День сгорал недужно бледный...*, в котором читаем:

Я томился и метался
В безнадежной тишине. [9, 11]

Томление усиливается повтором *Вперед, назад* и «качальными», стонущими рифмами²⁸:

Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд. [9, 17]

Черт притягивает внимание к себе, а человек хотя не хочет на него смотреть, он как будто обязан. Нечистая сила завораживает человека, от чего его взгляд становится «томным». Словно человек в плену у черта, в его ловушку, на что указывает глагол «попался». В данном стихотворении выступает также характерный для Сологуба мотив покинутости Богом. Он, по Сологубу, видит муки человека, но не собирается ему помочь. На присутствие какой-то высшей силы указывают слова:

Над верхом темной ели
Хохочет **голубой** [9, 17]

Однако нет точных показателей, что это действительно Бог. Имея в виду, что символисты высоко ценили сакральное, если речь шла бы о божественном, то было бы написано «Голубой». Можно предположить, что говорится об ангеле, который по велению Божьему должен сторожить человека, однако и он «хохочет», а хохот, как упоминалось выше, является атрибутом дьявола. В изображенном Сологубом мире человек бесконечно одинок. «Человек страдает оттого, что он человек, что сам миропорядок бесчеловечен, само бытие – «овеществленный бред» что «надо жить в обиде». Реальное зло абстрагируется и обобщается до космических размеров. Это, как справедливо пишет Е.Б. Тагер, «крик о боли человека, безысходно страдающего под властью неведомых, надличных античеловечных сил»²⁹. Человек обречен на борьбу с препятствиями, даже с силами зла и не может надеяться ни на какую поддержку. Он может лишь услышать:

– Попался на качели,
Качайся, черт с тобой. – [9, 17]

Слова эти употреблены и в прямом смысле, учитывая обстоятельства, и в переносном. Такое употребление слов указывает на то, что человек не нужен, а даже мешает и хорошим решением является избавиться от него. Человек не получает поддержки ни от Бога, ни от черта и его собратьев:

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
– Попался на качели,
Качайся, черт с тобой. – [9, 17]

²⁸ И. Анненский, *О современном лиризме*, [в:] *Книги отражений*, Наука, Москва 1979, с. 382.

²⁹ М.И. Дикман, *Поэтическое творчество Федора Сологуба*, [в:] Ф. Сологуб, *Стихотворения*, Издательство «Советский писатель», Ленинград 1975, с. 23.

Лирическое пространство населено чертями, они кружатся «гурьбой». Весьма существенна здесь семантика кружения, о которой подробно пишет Ханзен-Леве:

Кружение обозначает «пустое повторение» без возрождения или мифического «возврата». [...] Дьяволическая система движения носит исключительно круговой, циклический характер: движение либо вовсе «бесцельно», либо в нем все же имеется некоторая «телеология», но это не приводит ни к какому результату, поскольку само движение бесконечно³⁰.

В данном стихотворении черти кружатся бесцельно, что ассоциируется с бешеной пляской³¹. В романе Сологуба *Мелкий бес*, кружится недотыкомка: «Откуда-то прибежала удивительная тварь неопределенных очертаний, – маленькая, старая, юркая недотыкомка. Она посмеивалась, и дрожала, и вертелась вокруг Передонова»³².

Черти повторяют свои слова, как будто издеваясь над измученным человеком:

– Попался на качели,
Качайся, черт с тобой.– [9, 17]

Лирический герой осознает ситуацию, в которой находится, видит неизбежность собственной гибели, символом которой является оборванный канат (ассоциируется с фразеологизмом оборвать нить жизни = умереть):

Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутятся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля. [9, 17]

Лирический герой завешен между небом и землей, мечтает найти свой место. Данная ситуация определяет жизненное положение самого автора, о чем пишет упомянутый уже Ханзен-Леве: «Дьяволист, подобно отпавшим от Бога-Отца ангелам (Люциферу или демонам), не сотворен и не зачат, но ввергнут в мир неведомой, божественной рукой. Его „изверженность“ и есть причина его „отверженности“»³³:

³⁰ А. Ханзен-Леве, *Русский символизм...*, с. 126, 119.

³¹ Мирча Элиаде утверждает, что все танцы были изначально сакральны, у них были божественные образцы. (М. Элиаде, *Миф о вечном возвращении*, <http://nz-biblio.narod.ru/html/eliade1/retoir1.htm> [дата обращения: 22.04.2023].

³² Ф. Сологуб, *Мелкий...*, с. 118.

³³ А. Ханзен-Леве, *Русский символизм...*, с. 123.

Мы брошены в сказочный мир,
 Какой-то могучей рукой.
 На тризну? На битву? На пир?
 Не знаю. Я вечно – другой.
 [...]
 Но, брошенный меткой рукой,
 Я цель – без ошибки найду.³⁴

Символом освобождения от черта – смерти – является здесь разорванная веревка («конопля»), мотив, встречаемый нами в стихотворении с инципитом *В тихий вечер, на распутьи двух дорог...* (1902):

Этот камень ты возьмешь, –
 С ним не бойся, – не захочешь, не умрешь.
 [...]
 Станет скучно – ты **веревку оборвешь**³⁵,
 Бросишь камень, станешь волен, и умрешь. [5, 133]

Веревка служит орудием в руках чертей, которые с её помощью связывают людей (так метафорически определяются товарищеские отношения: *словно черт их веревкой связал*)³⁶. Мотив веревки появляется и в других стихотворениях Сологуба³⁷.

В стихотворении *Чертовы качели* все время происходит нарастание напряжения и только в последней строфе наступает кульминация – читатель узнает, чем кончится эта мучительная дорога человека:

Взлечу я выше ели,
 И лбом о землю трах.
 Качай же, черт, качели,
 Все выше, выше... ах! [9, 17]

Лирический герой, качаемый чертом, взлетает все выше и выше, поднимается вверх, пытается освободиться, но все-таки падает на землю. И хотя это трагическое событие, герой, зная о грозящей опасности, готов просить черта,

³⁴ К. Бальмонт, *Полное собрание стихов*, т. 3: *Будем как солнце*, Скорпион, Москва 1914, с. 67.

³⁵ Веревка является средством связи между материальной и духовой сферой сознания (Д. Тресиддер, *Словарь символов*, пер. с английского С. Палько, Гранд, ФАИР-Пресс, Москва 1999, с. 18) и, возможно, тут выступает она в таком же значении – связывает человека (тело) с жизнью.

³⁶ Е. Беррезович, И. Родионова, «Текст черта» в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов, [в:] *Между двумя мирами: представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей*, Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», Москва 2002, с. 27–28.

³⁷ Данный мотив выступает также, но как символ порабощения, в стихотворении *Нюрнбергский палач*:

Свяжу веревкой руки
 У жертвы палача. [9, 33]

чтобы он качал его; можно предполагать, что он хочет смерти. Подтверждением этой мысли могут служить многие стихотворения, в которых смерть предстает перед нами как избавительница от оков земной жизни. Предполагается, что в данном стихотворении все кончится смертью лирического героя, о чем свидетельствует окончание стихотворения: «...ах!». Мирский утверждает: «[...] умолчание поэта так же важно, как его слова: то, что осталось недосказанным, - так важно, как и сказанное»³⁸. Многозначие в стихотворении намекает на то, что произошло какое-то событие, о котором не говорится прямо, но восклицание «ах!» позволяет судить, что лирический герой умер.

Существенно, что на протяжении всего стихотворения (9 строф) нет ни одной метафоры. Сологуб всегда пишет простым языком, выражая важные истины. О его лирике Георгий Чулков написал следующее: «У Сологуба почти всегда отсутствуют аллегории и очень редки метафоры. Они не нужны ему; так точны его символы, эти непосредственно воплощенные переживания»³⁹. Несомненно, язык чувств =, который использует Сологуб, передает всю палитру переживаний, эмоций.

Исследуя стихотворение Сологуба, мы пытались рассмотреть его понимание кондиции человека в мире. Описывая любую ситуацию, любое событие или чувство в приведенных нами стихотворениях, поэт использует демонологические мотивы – непосредственно и через семантику слов, вписывающихся в семантическое поле «демонизма». Лирический герой чувствует себя бесконечно одиноким в этом мире, непонимаемый людьми и из-за этого он уединяется. Демонологические мотивы – это всего лишь вспомогательное «средство» для более глубоких философских обобщений. Используя символы, Сологуб желает заставить читателя задуматься над подспудным смыслом его слов, ибо, как сказал Гете: «Чем несоизмеримее и для ума недостижимее данное поэтическое произведение, тем оно прекраснее»⁴⁰. Анализируя стихотворение Чертовы качели Федора Сологуба, мы исследовали не только роль демонологических мотивов в его творчестве, но мы также выявили оригинальность его воззрений и художественное мастерство поэта.

Наши рассуждения подытожим словами Иванова-Разумника:

Значение Ф. Сологуба в истории русской литературы – не велико: он слишком интимный, слишком индивидуальный поэт, чтобы занять своим именем десятилетие, создать эпоху, школу... [...] Он слишком индивидуальный, слишком интимный писатель, он стоит в русской литературе особняком и особняком будет изучаться историками литературы. Про Ф. Сологуба можно сказать словами Тэна об одном из французских писателей: он занимает в литературе высокое, но узкое место. Вернее, наоборот: Ф. Сологуб занимает в нашей литературе узкое, но высокое место⁴¹.

³⁸ Д.С. Мирский, *Сологуб*, [в:] Д.С. Мирский, *История русской литературы с древнейших времен до 1925 года*, пер. с англ. Р. Зерновой, Overseas Publications Interchange Ltd, London 1992, с. 684.

³⁹ Г. Чулков, *Дымный ладан...*, с. 315.

⁴⁰ Д. Мережковский, *О причинах упадка...*, с. 24.

⁴¹ Р.В. Иванов-Разумник, *О смысле жизни. Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов*, Санкт-Петербург 1910, с. 42.

В предисловии к одной из своих книг стихов Сологуб написал, что хочет поделиться с людьми своими внутренними переживаниями. И он полностью достиг этого. «Интимное стало всемирным»⁴² ...

Литература

Czyż J., *Bierdiajew o twórcach „srebrnego wieku” (na materiale „Samopoznania”)*, [w:] *Idee i poetyki: ze studiów nad literaturą rosyjską*, red. B. Stemczyńska, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2002, s. 87–98.

Di Nola Alfonso M., *Diabeł. O formach, historii i kolejach losu Szatana, a także o jego złowrogiej obecności wśród wszystkich ludzi, od czasów starożytnych aż po teraźniejszość*, przeł. A. Kania, Universitas, Kraków 2001.

Historia literatury rosyjskiej, t. 2, red. M. Jakóbiec, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa 1976.

Kapuścik J., *Motywy apokaliptyczne w rosyjskim odrodzeniu religijnym początku XX wieku. Wprowadzenie do dyskusji*, [w:] *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku*, red. I. Fijałkowska-Janiak, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 1998, s. 8–24.

Klimowicz T., *Poszukujący, nawiedzeni, opętani*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 1992.

Kopaliński Z., *Słownik symboli*, Wiedza Powszechna, Warszawa 1991.

Mucha B., *Historia literatury rosyjskiej. Zarys*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 1989.

Rudwin M., *Diabeł w legendzie i literaturze*, przeł. J. Illg, Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, Kraków 1999.

Адамович Г., *Материалы к биографии Ф. Сологуба*, [в:] Ф. Сологуб, *Мелкий бес. Стихотворения. Рассказы. Сказочки*, состав, предисловие, комментарии, справочные и методические материалы Е.В. Перемышлева, АСТ, Олимп, Москва 1999, с. 402–424.

Анненский И., *О современном лиризме*, [в:] *Книги отражений*, Наука, Москва 1979, с. 350–390.

Бальмонт К., *Полное собрание стихов*, т. 3: *Будем как солнце*, Скорпион, Москва 1914.

Березович Е., Родионова И., «Текст черта» в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сказочных мотивов, [в:] *Между двумя мирами: представления о демонической и потусторонней в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей*, Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», Москва 2002, с. 7–44.

Библия, синодальный перевод, <http://days.pravoslavie.ru/Bible/Index.htm#V> [дата обращения: 10.12.2022].

Большой толковый словарь русского языка, ред. С.А. Кузнецов, Норинт, Санкт-Петербург 2003.

Венцлова Т., *Тень и статуя. К сопоставительному анализу творчества Федора Сологуба и Иннокентия Анненского*, [в:] *Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе*, Baltos Lankos 1997, с. 82–102.

Гиппиус З., *Отрывочное. О Федоре Сологубе*, [в:] *Воспоминания о Серебряном веке*, сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд, Издательство «Республика», Москва 1993, с. 94–101.

Дикман М.И., *Поэтическое творчество Федора Сологуба*, [в:] Ф. Сологуб, *Стихотворения*, Издательство «Советский писатель», Ленинград 1975, с. 5–74.

Иванов-Разумник Р.В., *О смысле жизни. Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов*, Санкт-Петербург 1910.

⁴² Ф. Сологуб, *Афоризмы*, [в:] *Неизданный Федор Сологуб*, ред. М.М. Павлова, А.В. Лавров, Новое литературное обозрение, Москва 1997, с. 200.

- Ильев С., *Иронический мир передоновицы («Мелкий бес» Федора Сологуба)*, „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia rosyjska” 1978, z. 7, s. 39–50.
- Мережковский Д., *О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы*, [в:] *Поэзия Серебряного века в 2 томах*, т. 1, вступительная статья и комментарии Л.Г. Кихней, А.В. Леденева, Просвещение, Дрофа, Москва 2003, с. 19–29.
- Мирский Д.С., *Сологуб*, [в:] Д.С. Мирский, *История русской литературы с древнейших времен до 1925 года*, пер. с англ. Р. Зерновой, Overseas Publications Interchange Ltd, London 1992, с. 683–690.
- Панова Е.А., *Интимное стало всемирным (Ф. Сологуб «Чертовы качели»)*, «Русский язык в школе» 2007, № 8, с. 36–42.
- Сологуб Ф., *Афоризмы*, [в:] *Неизданный Федор Сологуб*, ред. М.М. Павлова, А.В. Лавров, Новое литературное обозрение, Москва 1997.
- Сологуб Ф., *Мелкий бес*, Эксмо, Москва 2007.
- Сологуб Ф., *Полное собрание стихотворений*, Наука, Санкт-Петербург 2002.
- Сологуб Ф., *Собрание сочинений*, т. 1: *Стихотворения*, Шиповник, Санкт-Петербург 1909.
- Сологуб Ф., *Собрание сочинений*, т. 5: *Стихотворения*, Шиповник, Санкт-Петербург 1910.
- Сологуб Ф., *Собрание сочинений*, т. 9: *Стихотворения*, Шиповник, Санкт-Петербург 1911.
- Тресиддер Д., *Словарь символов*, пер. с английского С. Палько, Гранд, ФАИР-Пресс, Москва 1999.
- Ханзен-Леве А., *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм*, «Академический проект», Санкт-Петербург 1999.
- Ханзен-Леве А.А., *Русское сектантство и его отражение в литературе русского модернизма*, [в:] *Русская литература и религия*, редю Р. Грюбель, В. Одинокое, Новосибирский государственный университет, Новосибирск 1997, с. 153–226.
- Чулков Г., *Дымный ладан*, [в:] *О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки*, ред. А. Чеботаревская, Навьи Чары, Санкт-Петербург 2002, с. 309–321.
- Шейнина Е.Я., *Энциклопедия символов*, АСТ, Торсинг, Москва 2001.
- Шопенгауэр А., *Собрание сочинений в пяти томах*, т. I, перевод Ю.И. Айхенвальда, «Московский Клуб», Москва 1992, <http://psylib.org.ua/books/shope01/index.htm> [дата обращения: 22.04.2023].
- Элиаде М., *Миф о вечном возвращении*, <http://nz-biblio.narod.ru/html/eliade1/retoir1.htm> [дата обращения: 22.04.2023].

“Качает черт качели” – an interpretation of Fyodor Sologub’s poem *Чертовы качели* (1907)

Abstract

The subject of interpretation in this report is Fyodor Sologub’s poem *The Devil’s Swing* (1907) and the image of the devil depicted in it. We are trying to find out what role this creature plays in human life and what is his status in the world. Through the analysis of various poetic characteristics of the lyrical hero, the contexts of his artistic thinking are recreated in the poet’s works and references to different layers of cultural tradition are traced. We point out that demonological motives are just an auxiliary “means” for deeper philosophical generalizations. We refer to the philosophy of Arthur Schopenhauer. Many symbols that contribute to the expression of the truth about the existence of man in the world can be deciphered. We will try to reveal the originality of the poet’s views and his artistic skill.

Key words: symbolism, chert, Russian poetry, demonology, decadent movement, pessimism

«Качает черт качели» – опыт интерпретации стихотворения Фёдора Сологуба *Чертовы качели* (1907)

Резюме

Предметом интерпретации в настоящей статье является стихотворение Федора Сологуба *Чертовы качели* (1907) и изображенный в нем образ черта. Мы пытаемся выяснить, какую роль это существо играет в жизни человека и каков его статус в мире. Через анализ различных поэтических характеристик лирического героя в творчестве поэта воссоздаются контексты его художественного мышления и прослеживаются обращения к разным пластам культурной традиции. Укажем, что демонологические мотивы являются лишь вспомогательным «средством» для более глубоких философских обобщений. Мы обращаемся к философии Артура Шопенгауэра. Многие символы, способствующие выражению истины о существовании человека в мире, поддаются расшифровке. Мы постараемся раскрыть своеобразие взглядов поэта и его художественное мастерство.

Ключевые слова: символизм, черт, русская поэзия, демонология, декадентизм, пессимизм

Agnieszka Potyrańska, dr
ORCID: 0000-0003-2923-580X
Instytut Językoznawstwa i Literaturoznawstwa
Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie
e-mail: agnieszka.potyranska@mail.umcs.pl
tel.: + 48 792 220 419

Agnieszka Potyrańska, PhD
Maria Curie-Skłodowska University
Department of Applied Linguistics